

Л. А. Садова

ДОНЕСЕНИЯ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ В НОРВЕГИИ В 1890–1905 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Расторжение шведско-норвежской унии и обретение Норвегией независимости в 1905 г. поставило перед норвежскими властями задачу определения собственного места на международной арене, для чего необходимо было наладить и выстроить дипломатические отношения с великими державами и мировым сообществом в целом.

Норвежское королевство проделало долгий путь в борьбе за свою самостоятельность. Шведско-норвежская уния, заключенная в 1814 г., пережила ряд кризисов на протяжении всего XIX в. Наиболее острый конфликт возник в конце столетия и привел к разрыву унии. Он был спровоцирован государственной реформой 1885 г. в Швеции, в результате которой внешнеполитические функции общего для Швеции и Норвегии монарха были ограничены в пользу шведского министра иностранных дел и шведского же внешнеполитического ведомства. Реформа наносила удар не только по основам унии, т. к. фактически два государства, располагая значительной свободой в определении своей внутренней политики, были соединены личностью общего короля и общим МИД, но и по международным интересам Норвегии.

Министерство иностранных дел Соединенных королевств Швеция и Норвегия было по сути шведским — министерскую должность занимал швед, большинство дипломатических постов также принадлежали шведам, норвежцы же располагали лишь рядом консульских должностей, в результате чего норвежское правительство фактически утратило возможность активно влиять на формирование внешнеполитического курса Соединенных королевств.

На протяжении 1891–1905 гг. развернулась политическая борьба между шведскими и норвежскими властями вокруг консульской реформы, положенной в основу программы норвежской радикальной партии

Венстре, одержавшей победу на выборах в 1891 г. Суть норвежских требований сводилась к созданию собственной норвежской консульской структуры, финалом которой должно было стать формирование отдельного норвежского МИД. Эта борьба сопровождалась спорами, конфликтами, попытками вести переговоры, затрагивала другие проблемные аспекты отношений двух сторон, и оказывала влияние на все слои шведского и норвежского общества в целом.

Политический кризис в Скандинавских странах не мог не привлечь внимание российской дипломатии, крайне обеспокоенной нарастанием противоречий на северных рубежах страны. Геостратегические и внешнеэкономические интересы Российской империи требовали от сотрудников отечественного МИД тщательного отслеживания развития ситуации на Севере Европы, дипломаты составляли подробные отчеты о текущих политических, экономических и военных делах, происходящих в Швеции-Норвегии.

Тихая и спокойная гавань Европы в лице Соединенных королевств, придерживавшихся уже около столетия позиции сохранения нейтралитета в европейских международных конфликтах, особо раздражающих Европу на рубеже XIX–XX вв., ставила ее далеко не на первое место в фокусе внимания отечественной дипломатии.

Назначение на дипломатический пост в данный регион с точки зрения развития дипломатической карьеры мог быть рассмотрен как период снижения активной деятельности — как своего рода неофициальный отпуск дипломата или форму наказания неугодных во внутриведомственных интригах МИД. Важным фактором являлся тот факт, что, несмотря на самовосприятие населения Швеции и Норвегии себя как отдельных народов, в глазах международного сообщества лидером в унии была, бесспорно, Швеция, Норвегия же представляла собой часть Шведского королевства. Министерство иностранных дел Соединенных королевств было расположено в Стокгольме и находилось в управлении шведов, в шведской же столице были сосредоточены все дипломатические представительства иностранных государств. Через Российскую Императорскую Миссию в Стокгольме осуществлялась связь с другими российскими представительствами, как в Швеции, так и в Норвегии, поэтому более тесные контакты у посланников, в отличие от консулов, складывались с представителями шведского истеблишмента, а не норвежского, что накладывало в определенной степени отпечаток на предоставляемую ими информацию.

Исключение составляли консулы, находившиеся как в шведских, так и в норвежских городах. В отличие от посланников, консулы находились в более тесной связи с ситуацией на местах, коммуницировали как

с представителями официальной власти, так и людьми из предпринимательской, общественной и даже военной сфер. Права и обязанности консулов регламентировались консульскими уставами, подвергавшимися правке в связи с изменением исторического контекста в 1820, 1858, 1887, 1893, 1903 гг.

Сущность консульских функций преследовала две важные цели: 1) оказание содействия находящимся за границей русским подданным и 2) «доставление консулами из мест их пребывания всякого рода сведений, могущих иметь значение для интересов России и в особенности для русской торговли»¹.

Круг обязанностей консула был довольно широк, что нередко приводило к возникновению различных конфликтных ситуаций на местах и жалобам со стороны консулов. Например, генеральное консульство в Стокгольме сообщало, что к ним нередко поступают «ходатайства от частных лиц о собирании или доставлении им разных сведений, что не входит в компетенцию консула. Не говоря уже о весьма существенных затруднениях, встреченных консульством при удовлетворении подобного рода ходатайств, в виду необходимости предварительного подробного изучения возбужденных просителями вопросов — изучение сопряженного с значительной затратой времени, а нередко и денежных средств...»². Однако фактически статус консулов носил промежуточный характер между дипломатическими агентами, т. к. возможность их влиять на международные отношения была существенно ограничена, и коммерческими агентами, т. к. их функционал был гораздо шире сбора коммерческих данных³.

В его компетенцию входили разбирательства в делах наследования, он являлся третейским судьей в спорах между российскими подданными, регистратором актов гражданского состояния и нотариусом. В 1892 г. во время разработки очередных правок консульского устава, консулам и вице-консулам вменялось, что «надо быть внимательнее при засвидетельствовании документов, актов и счетов по «выдаче или уплаты как государственных, так и частных сумм при переводе процентных бумаг и имущества принадлежащих русским подданным»⁴.

В рамках выполнения нотариальной деятельности, центральный офис МИД рекомендовал консулам внимательнее изучать представленные им документы, не только чтобы убедиться в действительности поставленных подписей, но и «следует наблюдать кем учинена самая доверенность, приложенная к нотариальному акту и если поляком или евреем, то потребовать предъявления своих заграничных паспортов, и при малейшем сомнении в личности, отказать в удостоверении акта»⁵. В портовых городах за консулами сохранялись дополнительные обязан-

ности в сфере охраны торгового судоходства, а также ряд функций в отношении российских военных судов и их экипажа. Например, оказание помощи при закупке продовольственных припасов для экипажа корабля, ремонте судна, контактах с местными властями и др.⁶ К консулу мог обратиться любой российский моряк или купец, чтобы получить разъяснение по толкованию таможенных или иных правил⁷.

Консулы обязаны были постоянно информировать российские власти обо всем, что могло отразиться на отечественной торговле и мореплавании: об издании новых законов, касавшихся торговой сферы, о заключении новых международных договоров, об изменении тарифов, повышении и понижении цен на промышленные и продовольственные товары и т. п.; регулярно представлять общие очерки торгово-промышленного положения консульского округа; анализировать развитие на месте пребывания российской торговли, предлагая меры по ее улучшению. В их обязанности входило подавать ежегодный общий отчет о торговле и мореплавании того порта и округа, к которому они были приписаны. В нем должны содержаться полезные для России сведения, но он должен был быть кратким. Не стоило злоупотреблять включением обширных таблиц с указанием цен на товары, но следовало сделать общий перечень с соответствующими выводами. При этом все иностранные суммы, как и меры и веса, должны были быть представлены в русской системе мер и весов. Предполагалось также, что в своих отчетах консулы могут предлагать меры к развитию торговли⁸.

Консулы делились на штатных, находящихся на государственной службе, и внештатных (почетных). Служба штатных консулов имела свою градацию: верхней ступенью были генеральные консулы (генеральный консул в Стокгольме), которым подчинялись все остальные, затем следовали консулы, располагавшиеся, как правило, в наиболее значимых для страны назначения городах, следом шли вице-консулы и последними консульские агенты. Как представители своего государства или государства, на службе которому они находились, консулы обладали широкими правами и подчинялись законам страны, интересы которой они представляли: освобождались от прямых налогов и ряда других повинностей, за исключением налогов на лично принадлежащее им имущество, промышленную или торговую собственность, на доходы, получаемые вне их служебной деятельности, налогов на наследство. Согласно международным правилам, каждое судно, заходящее в порт, где находился консул, уплачивало консульские пошлины⁹.

На рубеже XIX–XX вв. складывались условия для реализации потребности российских частных компаний в выходе на внешний рынок — ускоренными темпами шло развитие российской промышленности,

укреплялись рыночные отношения в сельском хозяйстве, происходило сращивание банковского и промышленного капитала, менялось в целом положение мировой торговли. На международный рынок вышли новые страны, что усложнило конкурентную борьбу, изменило характер международных торговых договоров, в основу которых был положен чаще всего принцип наибольшего благоприятствования. «Сношения между государствами в области их торгово-промышленных интересов, приняв в настоящее время небывалые до сих пор размеры, и настолько осложнились, что постоянно порождают массу вопросов, могущих быть разрешенными лишь дипломатическим путем. Вследствие сего и в виду той тесной связи, которая существует между вопросами экономического и политического характера, сведения относительно многих явлений жизни иностранного государства вообще имеют особое значение и содействуют той окраске мероприятий и фактов экономической жизни государств, наиболее касающихся нас, какая желательна для общегосударственной пользы»¹⁰.

В сложившихся новых условиях, а также в связи с тем, что консулы в основном контактировали с местной администрацией, сведения в области торговли и экономики, представляемые ими в своих отчетах и донесениях, были признаны недостаточными. В 1894 г. министерство финансов ввело должность коммерческих агентов, прикрепленных к российским диппредставительствам, права и обязанности которых приравнивались к консульским¹¹.

К началу XX в. Российской империей было учреждено 125 штатных консульских учреждений, из них 29 генеральных консульств, 69 консульств, 27 вице-консульств и 300 нештатных консульских учреждений, которые в должной степени обеспечивали интересы российского государства¹².

В Норвегии консулы работали во многих крупных городах страны. Исследователи А. В. Репневский и Р. В. Пересадило обращают внимание, что должности генерального консула и консула обычно занимались длительное время и на них назначались российские подданные¹³. Вице-консулами же, как правило, являлись граждане Норвегии, часто из местных предпринимателей или промышленников. Они находились в подчинении одного из штатных консулов. Данная практика была связана с тем, что вице-консулы, зная национальный язык, обычаи и практики, свободно ориентировались в особенностях местного рынка и торговли. Несмотря на то, что фиксированного жалования им не выплачивалось, должность вице-консула считалась престижной. В фонде Архива внешней политики Российской империи «Генеральное консульство в Стокгольме» собраны многостраничные ежемесячные отчеты шведских преимущественно ви-

це-консулов о торговле, многие из которых сопровождаются сводными таблицами о навигации и перечнем экспортируемых и импортируемых товаров. Донесения написаны на шведском и немецком языках, некоторые с читаемыми подписями и печатями, некоторые без¹⁴.

В качестве примера длительного нахождения на посту можно привести службу на должности генерального консула в Кристиании действительного статского советника Альберта Альбертовича Теттермана, занимавшего этот пост с 1871 г. Сын финляндского пастора, сделавший карьеру в Министерстве иностранных дел от третьего переводчика в Департаменте внутренних сношений МИД до временного поверенного в делах в Кристиании в связи с отсутствием посланника с 18 октября по 19 декабря 1905 г.

За отличное исполнение «возложенного на него временного дипломатического представительства России в Норвегии» он получил высочайшую благодарность¹⁵. Глубоко погруженный во все тонкости и нюансы норвежской политической, экономической, социальной и общественной жизни, особенно столичной, он давал полную картину перипетий, имевших место в Норвегии. Его депеши служили отличным источником информации для российских посланников в Стокгольме. В них Теттерман нередко цитировал, а иногда и прилагал переводы статей газет различной направленности, ссылаясь на высказанное мнение отдельных политических и общественных фигур, приводя также переводы дебатов в стортинге.

Другим примером является служба действительного статского советника, дворянина по происхождению, Березникова Владимира Александровича, находившегося на должности консула в Финмарке с 1892 г., заведующим с июня по август императорским вице-консульством в Гаммерфесте, с 1893 по 1900 г. консула в Гаммерфесте, а с 1900 г. он получил пост генерального консула в Стокгольме. Свою карьеру в МИД он начал чиновником сверхштата в Департаменте внутренних сношений в 1884 г., а в 1907 г. был назначен вице-директором Второго Департамента МИД¹⁶. Березников хорошо разбирался в региональных особенностях северных районов Норвегии и России, торговых отношениях между ними, в частности поморской торговле.

При анализе консульских донесений необходимо учитывать, что выборка и оценка информации дипломатами и консулами находилась под влиянием не только их личной позиции, выдержанной в духе патриотизма и консерватизма, как того и требовала кастовая система российского МИД, но определенных стереотипов, связанных с внешнеполитическими установками и приоритетами¹⁷. В сознании международной общественности Швеция и Норвегия являлись единым целым. В связи с тем, что все

рычаги внешнеполитического управления находились в руках Швеции, то борьба норвежцев за свои права выглядела как политическая провокация и дестабилизирующий страну фактор, и все политические и законодательные акции норвежских властей, направленные на расширение самостоятельности Норвегии в рамках унии, воспринимались как революционные действия против легитимной монархии.

Консульские донесения направлялись в посольства и миссии и лишь оттуда, в зависимости от степени их значения, в Министерство иностранных дел. На усмотрение МИД информация из донесений вся или частично могла быть передана в другие российские ведомства. Сложность и запутанность передвижения документов по бюрократическим каналам неоднократно приводила к возникновению различных конфликтов. В 1895 г. по инициативе Министерства финансов, а именно лично С. Ю. Витте, поступило предложение о перезаключении российско-норвежского договора о торговле, мореплавании и дружбе 1838 г., в связи с чем были запрошены напрямую точки зрения российских консулов в Швеции и Норвегии. Запрос был выдержан в довольно категоричном тоне. Витте подчеркивал, что «ст. 88 устава консульского обязывает его представлять на рассмотрение Департамента торговли и мануфактур все замечания и соображения относительно мореплавания и торговли, какие он может извлечь из своих наблюдений и опыта во время отправления возложенных на него обязанностей»¹⁸.

Тем не менее МИД расценил действия министра финансов как нарушение существующей практики документооборота и субординации. С его точки зрения, несмотря на обязанности консулов собирать и анализировать информацию о торговле и экономике в месте пребывания, они являются подчиненными внешнеполитического ведомства. Министерство финансов было вынуждено следовать установленной бюрократической процедуре — подать запрос сначала в центральный офис МИД, который в свою очередь перенаправил его консулам.

Стоит отметить, что генеральный консул в Стокгольме, действительный статский советник Кудрявцев, вежливо отказал Минфину в его запросе, мотивировав свою позицию именно принадлежностью к МИД, в то время как консул в Гаммерфесте В. А. Березников предоставил подробный отчет в соответствии с запросом о состоянии и развитии русско-норвежской торговли на севере Норвегии¹⁹. Договор так и не был перезаключен. Во многом по причине наличия завышенных требований с обеих сторон, а также сложной внутривнутриполитической обстановки в Соединенных королевствах по вопросу будущего унии²⁰.

Рубеж XIX–XX столетий — время заметного оживления российско-норвежских торговых отношений, что было связано с объективными

процессами развития экономики двух стран. Главную роль в торговых связях между соседними странами стали играть крупные купцы, а государство контролировало все внешнеэкономические связи с Норвегией. О масштабах развития торгового сотрудничества между соседними странами свидетельствует организация в 1898 г. акционерного общества «Русско-скандинавского общества внешней торговли». Оно было создано с целью развития торговых отношений России со Скандинавскими странами «...посредством операций по покупке и продаже товаров, как за собственный счет, так и по комиссионным поручениям, с выдачей ссуд под товары...»²¹.

Русская дипломатия заботилась о сохранении дружественных отношений с северной соседкой и нередко проявляла готовность к уступкам. Главными предметами экспортно-импортных операций между двумя странами были — российское зерно, поставляемое в Норвегию, и норвежская рыба, импортируемая в Россию. Отдельное место занимала поморская торговля, сложившаяся еще в XVIII в. и регулируемая отдельными законодательными постановлениями. К концу XIX в. она оказалась тесно переплетена с общегосударственной внешней торговлей Российской империи и постепенно трансформировалась в сугубо региональный феномен, территориально ограниченный Беломорьем, Мурманом и северными провинциями Норвегии, предназначенный исключительно для выживания и развития этих областей.

Донесения российских консулов в Норвегии являются одним из важнейших источников как по проблеме развития российско-норвежских торговых отношений на общегосударственном уровне, так и по вопросу будущего поморской торговли. Так, например, с точки зрения генерального консула в Кристиании А. А. Теттермана, сбыт норвежской рыбы встречал ряд препятствий на российском рынке — высокие ввозные пошлины, сложность и дороговизна логистики внутри страны, невысокое качество продукции и пр.²² К поморской торговле он в целом относился достаточно скептически, указывая на отсталость традиционно сложившихся форм товарообмена в условиях развития капиталистических отношений, о чем следовало из его пространной записки о «влиянии торгового трактата 1838 г. на развитие торговых сношений между Россией и Швецией-Норвегией и о желательных изменениях в трактате», представленной в МИД в связи с переговорами о пересмотре договора о торговле, мореплавании и дружбе 1838 г.²³

В донесениях консула в Гаммерфесте, В. А. Березникова, мы можем найти исчерпывающую информацию о состоянии, нюансах и особенностях российско-норвежских торговых отношений на Севере двух стран. Нарастание кризисных явлений в поморской торговле, вызванных в том

числе развитием новых, капиталистических форм экономических отношений, становится очевидно. Консул всем сердцем переживал и неоднократно предлагал меры по защите прав и привилегий русских торговцев и промышленников в Норвегии, способы развития и укрепления экономических связей между северными регионами двух стран, сигнализировал о трудностях взаимодействия с норвежцами из-за существующих законодательных ограничений экономической деятельности иностранцев в Норвегии, а также противоречиях и разночтениях в толковании существующих законодательных норм.

Отдельно он указывал на наличие негативного восприятия русских купцов со стороны крупных норвежских предпринимателей²⁴. Например, в 1895 г. он сообщал, что с его точки зрения увольнение в Гаммерфесте таможенного переводчика с русского языка вредит развитию торговли между двумя странами. Несмотря на то что «наши шкиперы, благодаря отчасти простоте делопроизводства в норвежских таможнях, отчасти же выработавшемуся в поморской меновой торговле жаргону, могли обходиться без посредства консульства», наличие постоянной должности переводчика, которая существовала здесь до середины 1880-х, является важным атрибутом благожелательного отношения норвежцев к русским купцам и их заинтересованности в развитии российско-норвежской торговли²⁵.

В 1905 г., когда шведско-норвежский конфликт достиг апогея и состоялось расторжение унии, а за ним последовали долгие месяцы сложных переговоров, именно консулы выполняли важные задачи по мгновенному реагированию и информированию своих правительств о молниеносно меняющемся политическом контексте в Швеции и Норвегии. Это было связано с тем, что дипломатические миссии в Стокгольме были довольно скромно укомплектованы и физически не успевали следить за информацией, тем более в Норвегии. В консульских отчетах в это время содержится информация о протоколах бесед с представителями официальной власти, сообщения о военных приготовлениях и маневрах, анализ ситуации в целом и общественного мнения. Именно по этой причине, как наиболее компетентное лицо, с огромным опытом и погружением в ситуацию, А. А. Теттерман был повышен до временного поверенного в делах в Кристиании в 1905 г.²⁶

Таким образом, консульские донесения являются важным историческим источником по широкому кругу вопросов: от анализа политической ситуации в стране пребывания, особенностей ее торгового, промышленного и экономического в целом развития, до частных историй отдельных людей, купцов и промышленников. Многолетнее пребывание в столице Норвегии — Кристиании позволило российскому генеральному консу-

лу А. А. Теттерману стать большим знатоком норвежской политической и экономической конъюнктуры, а информация, передаваемая им российскому посланнику в Стокгольме, неоднократно была положена в основу дипломатических донесений. Донесения российского консула в Гаммерфесте В. А. Березникова предоставляют исчерпывающие сведения об особенностях российско-норвежской торговли на севере двух стран, дают возможность ознакомиться с узловыми проблемами двусторонних отношений.

ЛИТЕРАТУРА

Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией в 1895–1900 // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Труды ЛОИИ. Вып. 11. Л., 1970. С. 144–163.

Георгиев А. В. Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия // История СССР. 1988. № 4. С. 135–149.

Павленко С. С. Сравнительный анализ основных моделей деятельности консульских учреждений в XIX — начале XX // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 59–66.

Пересадило Р. В., Репневский А. В. Кадры и организация торгово-дипломатической работы России в Норвегии: сравнительная характеристика (XIX век — 30-е годы XX века) // Северная Европа: Проблемы истории. М., 2003. Вып. 4. С. 191–210.

Сафронова Е. В. Эволюция функций консульских учреждений Российской империи в XVIII — начале XX в. // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2007. № 9(40). Вып. 2. С. 148–161.

Теттерман А. К вопросу о торговых сношениях России с портами Западной Норвегии // Сборник консульских донесений. СПб., 1899. Вып. IV, V.

Третьякова Е. С. Формирование системы управления внешнеполитической деятельностью Российского государства в XIX веке // Вопросы управления. 2015. № 1 (13). С. 46–52.

Leira H., Neumann I. B. Fremmede konsulter i Norge ca. 1660–1905 // Historisk Tidsskrift. Vol. 106. 2006. S. 449–487.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 155. Оп. 407. Д. 458. Л. 62–62об.

² Там же. Д. 462. Л. 290.

³ Павленко С. С. Сравнительный анализ основных моделей деятельности консульских учреждений в XIX — начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 62.

⁴ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 407. Д. 458. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Сафронова Е. В. Эволюция функций консульских учреждений Российской империи в XVIII — начале XX в. // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2007. № 9(40). Вып. 2. С. 153–154.

⁷ Пересадило Р. В., Репневский А. В. Кадры и организация торгово-дипломатической работы России в Норвегии: сравнительная характеристика (XIX век — 30-е годы XX века) // Северная Европа: Проблемы истории. М., 2003. Вып. 4. С. 191–192.

⁸ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 407. Д. 458. Л. 5–6.

⁹ Пересадило Р. В., Репневский А. В. Кадры и организация торгово-дипломатической работы России в Норвегии: сравнительная характеристика (XIX век — 30-е годы XX века). С. 191–192.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 407. Д. 458. Л. 72об — 73.

¹¹ Сафронова Е. В. Эволюция функций консульских учреждений Российской империи в XVIII — начале XX в. С. 155.

¹² Третьякова Е. С. Формирование системы управления внешнеполитической деятельностью Российского государства в XIX веке // Вопросы управления. 2015. № 1 (13). С. 51.

¹³ Пересадило Р. В., Репневский А. В. Кадры и организация торгово-дипломатической работы России в Норвегии: сравнительная характеристика (XIX век — 30-е годы XX века). С. 192–193.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 288. Оп. 817/2. Д. 24.

¹⁵ Там же. Ф. 159. Оп. 464. Д. 3222. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 309. Л. 3–6.

¹⁷ Георгиев А. В. Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия // История СССР. 1988. № 4. С. 135–149.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 407. Д. 16. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 1–15об.

²⁰ Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией в 1895–1900 // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Труды ЛОИИ. Вып. 11. Л., 1970. С. 144–163.

²¹ Русско-Скандинавское общество внешней торговли (устав). СПб., 1898. С. 1.

²² Теттерман А. К вопросу о торговых сношениях России с портами Западной Норвегии // Сборник консульских донесений. СПб., 1899. Вып. IV, V. С. 341.

²³ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 407. Д. 16. Л. 26–89об.

²⁴ Там же. Л. 1–15об.

²⁵ Там же. Д. 619. Л. 19–21об.

²⁶ Leira H., Neumann I. B. Fremmede konsulter i Norge ca. 1660–1905 // Historisk Tidsskrift. Vol. 106. 2006. S. 480–481.